

УДК 327(470+510)

Россия — Китай: модель 2016–2017 гг. Глобальные, региональные и приграничные измерения

С.Г. Лузянин

Институт Дальнего Востока РАН,
Москва,
МГИМО МИД РФ, Москва

Дата поступления:

03.03.2017

Дата принятия к печати:

17.04.2017

Аннотация. Статья посвящена анализу российско-китайской проблематики в контексте ключевых внутренних и внешнеполитических событий 2016 — начале 2017 гг. Особое внимание уделяется глобальному и региональному аспектам китайского проекта «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП), включая особенности формирования процесса сопряжения между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), Россией и КНР. Анализируется внутренняя структура ЭПШП с акцентом на освещение транспортных коридоров и маршрутов, значение российского участка Пути и др. Изучен ряд вопросов межрегионального российско-китайского сотрудничества, выявлены как положительные стороны, так и ряд противоречий, связанных с неравномерностью, сырьевым характером российского экспорта межрегиональной торговли и инвестиционного сотрудничества. Особое внимание автор уделяет изучению менее известного вопроса — состояние и специфика приграничного сотрудничества на участке Забайкальского края и сопредельных китайских субъектов (Автономный Район Внутренней Монголии — АРВМ и провинция Хэйлуцзян). Представлены роль китайского фактора в развитии Забайкалья и возможные альтернативные варианты будущего развития края. Автор показывает неиспользованные административные ресурсы федерального центра, экономические и международные возможности сопредельных краю субъектов КНР. Даются некоторые рекомендации и предложения по улучшению приграничного сотрудничества РФ и КНР. В заключительной части отмечается, что, несмотря на «полусоюзнический» характер сложившихся российско-китайских отношений, стороны не планируют переступить черту «союзнчества», что отвечает геополитическим и региональным задачам партнерства двух стран. Процесс сопряжения между ЕАЭС (Россией) и ЭПШП (КНР) протекает пока амбивалентно, то есть доминирует частичное сопряжение в отдельных секторах на фоне конкуренции и определенной асимметрии экономически (транспортных) и других интересов. Этот процесс не носит политического характера, а обусловлен рядом объективных экономических реалий РФ и КНР. Несмотря на общее снижение товарооборота (62,3 млрд долл.), угрожающей российским интересам ситуации в российско-китайских отношениях и системной зависимости России не сложилось.

Ключевые слова. Российско-китайские отношения, «Шелковый путь», приграничное сотрудничество, ЕАЭС.

俄罗斯—中国: 2016-2017年的模型。全球, 区域和边境的层面

Luzyanin S.G.

俄罗斯科学院远东研究所
莫斯科, 俄罗斯联邦
莫斯科国立国际关系学院大学
莫斯科, 俄罗斯联邦

结稿日期: 2017年3月3日

出版日期: 2017年4月17日

摘要: 本文分析了2016年至2017年初国内关键政治事件中出现的俄中问题。并重点分析了中国“丝绸之路经济带”项目(SREB)的对区域和全球的影响, 包括对欧亚经济联盟(EEU)与俄中联盟的形成的影响。此外, 还对SREB的内部结构进行了分析, 分析的重点在于指明运输的渠道和路线与俄罗斯路段的重要性等方面。并充分研究了俄中俄合作区域的若干问题, 揭露了俄罗斯在区域内的出口贸易额与投资合作的不平衡性所带来的积极影响与一系列的矛盾冲突。特别对一些较不为人知的事件进行了研究, 例如: 在贝加尔湖地区和邻近的中国地区(内蒙古自治区(内蒙)和黑龙江省)的跨国界合作的现状和特点。并指出了在贝加尔湖地区的发展中中国的合作因素所扮演的角色以及该地区未来发展的可能替代方案。作者为我们展现了联邦中心未使用的行政资源, 以及毗邻中国领土所带来的经济与国际机会。提出了一些改善中俄之间跨界合作的一些建议和提议。该文的总结部分指出, 尽管现在的俄中关系属于“半联盟”性质, 双方并不打算跨越“联盟”的性质, 这也符合两国关系的地缘政治和区域目标。EEU(俄罗斯)与SREB(中国)之间的融合过程仍然是复杂且矛盾的, 也就是说, 某些发展部分的局部重叠与大国竞争的背景和经济(运输)等利益的相矛盾。这个过程不是政治性的, 而是由于俄罗斯联邦和中国的一些客观的经济状况。尽管贸易总额下降(六百二十三亿美元), 在中俄的合作关系中, 损害俄罗斯利益, 与对俄罗斯产生依赖的情形尚未形成。

关键词: 俄中关系, 丝绸之路, 跨界合作, EEU.

Russia — China: Model of 2016–2017. Global, Regional and Cross-Border Measurements

Luzyanin S.G.

The Institute of Far Eastern Studies,
the Russian Academy of Sciences,
Moscow, the Russian Federation
Moscow State Institute of
International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of
the Russian Federation,
Moscow, the Russian Federation

Received: March 03 2017

Accepted: April 17 2017

Abstract. The article is devoted to the analysis of the Russian-Chinese problems in the context of key domestic and foreign policy events of 2016 – early 2017. Particular attention is paid to the global and regional aspects of the Chinese project of the «Silk Road Economic Belt» (SREB), including the peculiarities of the conjugation process between the Eurasian Economic Union (EEU), Russia and China. The internal structure of SREB is analyzed, emphasis is put on transport corridors, routes and the importance of the Russian section of the Road, etc. A number of issues of interregional Russian-Chinese cooperation: positive aspects and a number of contradictions connected to the uneven nature of the Russian export of interregional trade, investment cooperation have been revealed in the article. Special attention is paid to the study of lesser-known issues: the current state and the specifics of cross-border cooperation of Zabaikalsky Krai with the adjacent Chinese regions (Inner Mongolia Autonomous Region (IMAR) and Heilongjiang province). The role of the Chinese factor in the development of Zabaikalsky Krai and possible alternative options for the future development of the region are presented in the article. The author shows un-

used administrative resources of the federal center, economic and international opportunities of the adjacent subjects of China. Some recommendations and proposals for improving cross-border cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China are given. The concluding part notes that, despite the «semi-allied» nature of the existing Russian-Chinese relations, the parties do not plan to cross the line of «alliance», which meets the geopolitical and regional objectives of the partnership between two countries. The process of conjugation between the EEU (Russia) and the SREB (China) is still ambivalent, that is, partial overlap in certain sectors dominates against the background of competition and a certain asymmetry of economical (transport) and other interests. This is not the process of political nature, but the result of objective economic realities existing between Russia and China. Despite the general decline in trade (62.3 billion dollars), a situation threatening the Russian interests in Russian-Chinese relations and a systemic dependence of Russia have not developed.

Keywords. Russian-Chinese relations, The Silk Road, Cross-border cooperation, EEU.

Вступление. Возвращение России

На фоне сохранения антироссийских западных санкций, смены президентской администрации в Вашингтоне, обострения обстановки на Ближнем Востоке (Сирия), Россия продолжает наращивать всеобъемлющее взаимодействие с Китаем, активно развивая сотрудничество с ним во всех областях.

Как сказано в новой Концепции внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 года: «Совпадение принципиальных подходов двух государств к решению ключевых вопросов мировой политики рассматривается Россией в качестве одной из базовых составляющих региональной и глобальной стабильности»¹.

Российская экономика, исходя из текущих показателей, похоже, постепенно выходит из кризисной фазы развития, адаптируясь к внешним и внутренним экономическим вызовам. Российская Федерация не оказалась «разорванной в клочья», как предрекали отдельные западные политики и эксперты.

Наоборот, фаза испытаний явно пошла на пользу российскому государству и обществу. Возможно, впервые после 1991 г., в народном самосознании стихийно, без идеологических «накачек» сформировалась идея сохранения и укрепления *единства российского народа* и восстановления былого величия России.

После воссоединения с Крымом и успешных военных операций российских ВКС в Сирии за рубежом стали понимать, что российское государство не просто «сосредотачивается», как выразился в 1856 г. блестящий русский дипломат А. М. Горчаков, но и возвращается в большую геополитику, вновь становится великой державой.

Ровно десять лет назад автор этих строк написал книгу «Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» [1], которая вызвала тогда некоторый скептицизм и обвинения в «имперских фантазиях» со стороны отдельных экспертов. Сегодня, в 2017 г., мы можем без всякого скептицизма констатировать, что возвращение России на Восток состоялось. Причем, состоялось не в имперской форме, а в формате ожесточенной войны РФ с международным экстремизмом и терроризмом, в условиях стратегического сдерживания США и их союзников.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации от 30.11.2016, ст. 84 // www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset.../2542248

При этом российское руководство успешно строит в Евразии новое геоэкономическое пространство «неамериканского мира» — через взаимодействие Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), проектов «Россия — Индия — Китай» (РИК), БРИКС и др.

Дополнительным стимулом укрепления и расширения «Большой Евразии», стала поддержка поднимающегося Китая и подписание в 2015 г. российско-китайских документов на высшем уровне о запуске процессов *сопряжения* между ЕАЭС и китайским проектом «Экономического пояса шелкового пути» (ЭПШП).

Российская стабилизация вызывает яростное противодействие недругов России. С другой стороны, и в самой РФ сохранились, а по отдельным компонентам усилились, давние и вновь приобретенные проблемы экономического, демографического и социального развития, на решение которых уйдет еще немало времени.

В условиях заявленного стратегического поворота России на Восток, часть острых вопросов может быть решена на пути углубления кооперации РФ и ее приграничных восточных регионов со странами Восточной Азии (КНР, РК, Япония, государства АСЕАН). Особое значение на данном направлении приобретает торгово-экономическое, инфраструктурное и инвестиционное сотрудничество с Китаем.

Китай — трудности внутреннего перехода

КНР в настоящее время также находится на непростом этапе. Речь идет о переходе на новую экономическую модель роста, основанную на инновационном развитии. Для руководства КНР и экспертов стало очевидным, что уже ни дешевые ресурсы, ни массовая и дешевая рабочая сила, ни обильные инвестиции больше не могут играть ту роль локомотива, которую они с успехом исполняли прежде [2, с. 20].

В условиях некоторого снижения темпов годового прироста ВВП (до 5,5–6 % по 2016 г.), колебаний китайского фондового рынка, структурных преобразований, китайское правительство разрабатывает новую стратегию роста.

Выступая в конце мая 2016 года на совместной сессии Академии наук Китая и других ведомств председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что научно-технологические основы остаются слабыми и ситуация в целом измениться не мо-

жет, пока в ключевых областях доминируют чужие технологии².

Китайским руководством сформулированы цели и мотивация развития — к столетнему юбилею КПК (2021 г.), когда будет построено общество «среднего достатка», а также к столетию КНР (2049 г.), когда будет создано богатое, сильное, модернизированное государство. Таким образом, будет реализована давняя мечта китайского народа — великое возрождение китайской нации.

Первая из двух «столетних целей» направлена на построение в начале следующего десятилетия общества *сяокан*. Это важная составная часть «китайской мечты» (*Чжунго мэн*), у которой есть глубокие корни и традиции. Китайские ученые видят категориальные истоки «малого благоденствия — *сяокан*» в традиционном пласте китайской цивилизации, — в самой гармоничной из всех древних гексаграмм «Ицзина»: это предпоследняя по счету гексаграмма, именуемая «Уже успех»³.

Одновременно, Си Цзиньпин, развернув тотальную борьбу с коррупцией, столкнулся с серьезным сопротивлением части коррумпированных военных, партийных и бизнес кланов, которые десятилетиями оттачивали тактику и стратегию выживания [3]. К данному «фронту» следует добавить серьезные вызовы экономической трансформации, борьбу за чистую экологию, за энергоресурсы, ликвидацию демографических диспропорций, трудности нового геополитического позиционирования растущего Китая.

Китай во внешнем мире. Новый облик — новые мечты

Важной внешнеполитической новацией Си Цзиньпина стал лозунг о необходимости достижения «китайской мечты». На сессии ВСНП в марте 2013 года Си Цзиньпин попытался усилить идеологический компонент, увязав реализацию «мечты» с дальнейшим развитием «социализма с китайской спецификой». В КНР ее («китайскую

² Синьхуа, 30.05.2016

³ Иногда даже в качестве точной локализации этого первоисточника указывают на вторую черту данной гексаграммы (трактующую как ее «нижняя середина»), пояснительный афоризм к которой гласит: «Женщина потеряет занавес на колеснице. Не гонись! Через семь дней получишь». С присущей китайцам изысканно-утонченной иносказательностью образ не требующей поисков потери расшифровывается как метафора кратковременной передышки (то есть того самого *сяокан*) — безмятежного пребывания в выигрышной центральной позиции, по определению свободной от губительных крайностей.

мечту») воспринимают гораздо шире рамок «социализма», как часть общенациональной программы «возвышения Китая».

Другая сторона «мечты» косвенно связана с уже апробированной «американской мечтой». Возможно, что китайский вариант это — некая альтернативная концепция «личному западному процветанию». Американский жизненный идеал хорошо известен — материальное благополучие и индивидуализм. Китайские идеологи объясняют ценность своей доктрины тем, что она вобрала в себя лучшие традиционные китайские представления об общечеловеческих ценностях. Речь идет о духовном (гармоничном) начале, приоритете общественных идеалов.

Очевидно, что сопоставление двух вариантов «мечты» отражает более глубокое противоборство идеологических ценностей КНР и США. В Китае, похоже, существует две версии «мечты». Первая для «внутреннего пользования», где основные акценты делаются на достижение социальной справедливости и благополучия на фоне борьбы с коррупцией, сохранения чистой экологии, развития демократии, повышение среднего уровня зажиточности.

Вторая рассчитана в основном на внешнего китайского потребителя, куда входит мировая сеть китайских диаспор, включая миллионы китайцев, настроенных антикоммунистически, но лояльных идее возрождения «великого Китая», а также остальной мир.

Приход Д. Трампа не означает для КНР наступление мира и спокойствия в сфере двусторонних отношений. Наоборот, многие эксперты предсказывают торгово-тарифную войну между Пекином и Вашингтоном. На китайскую стратегию внешнеполитического развития и интеграции работает мощный финансовый институт — Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, включая специальный Фонд развития «Шелкового пути». Как известно, решением МВФ от 1 января 2015 года состоялось вхождение китайского юаня в корзину пяти мировых валют со специальными правами заимствований, что сделало китайскую валюту более гибкой на финансовых рынках Азии.

Часть экспертов в КНР рассуждают о возможности или невозможности вовлечения КНР в Транстихоокеанское партнерство (ТТП). На сегодняшний день, если суммировать китайский дискурс, большинство считают, что Китаю пока нечего делать в этом проекте и необходимо активнее развивать собственные — ЭПШП, ШОС, РИК, БРИКС и др. [4].

Россия в системе китайского мегапроекта «Один пояс, один путь»

Проблематика китайского мегапроекта с каждым днем стремительно набирает обороты. Россию это ускорение пока затрагивает лишь частично. В основном, несмотря на небольшое замедление своего роста, бурлит и фонтанирует деньгами и проектами сам Китай. Они (деньги и проекты) частично перепадает центрально-азиатским государствам, через которые регионально и начинается собственно «Великий Шелковый Путь» (ЭПШП).

Россия не стремится попасть в эту «очередь», предлагая свой вариант «сопряжения» трех проектов — ЭПШП, Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС) и ШОС, который политически 8 мая 2015 года, в Москве был официально принят лидерами двух стран — В. В. Путиным и Си Цзиньпином в форме «Совместного Заявления»⁴. Другое дело, что за формальной стороной подписанных документов кроется масса нерешенных вопросов как на двустороннем (российско-китайском), так и многостороннем уровне с участием государств региона Центральной Азии. Причем, большинство нерешенных вопросов касается в основном двух тем — транспорта и углеводородов.

Как известно, идет подготовка (ТЭО) строительства высокоскоростной ж/д Москва — Казань и др. Возникает (на экспертном уровне) необходимость диверсифицировать тематику китайского мегапроекта и попытаться ее как-то структурировать. Явно просматриваются два ключевых компонента — 1) транспорт и 2) углеводородная энергетика в региональном (центрально-азиатском) измерении. Другими словами, мы имеем виртуальный треугольник «РФ — Центральная Азия — КНР», содержание, которого видится в основном пока транспортно-энергетическое (плюс СП по переработке сырья, развитие местной / легкой промышленности, освоение гидроресурсов и пр.). Причем, пока все это в идеале. Так как до практической реализации и полноценного наполнения реальными проектами данного контента еще очень далеко.

Намерение России расширить сферу сотрудничества в области создания транзитных коридоров с Китаем и другими центрально-азиатскими странами наталкивается на желание стран ЦА использовать собственную и китайскую территории для формирования нового («своего»)

⁴ URL: / <http://kremlin.ru/supplement/4971>

евразийского коридора, который бы стал источником поступления валюты за счёт перевозки транзитных грузов.

Очевидно, что последствия создания новых транзитных коридоров, включая дальнейшую коммуникацию с государствами-членами ШОС, состыковки с железнодорожными магистралями КНР, составит реальную конкуренцию Транссибу, в первую очередь за счет сравнительно низкого тарифа на перевозки [5, с. 56–57].

Китайские коллеги и формально, и неформально поддерживают идею создания Евразийского высокоскоростного транспортного коридора Пекин — Москва. Возможно, что этот проект теоретически может дать взаимную выгоду. Он явно расширяет экспортный рынок китайской высокотехнологичной продукции, оптимизирует структуру товарооборота между Китаем и Россией. Россия приобретает уникальный опыт и технологии строительства и модернизации высокоскоростных железных дорог.

По мнению отдельных российских экспертов, в действительности Россия становится все менее значимым партнером для Азиатско-Тихоокеанского региона, тогда как значение последнего для нашей страны, по мере смещения сюда центра мировой экономической активности, неизбежно возрастает [6, с. 220].

При этом большинство российских ученых все-таки считают, что перспективы полноценного включения РФ в экономические и интеграционные процессы как в регионе АТР, так и Центральной Азии чрезвычайно важны и необходимы. Это дает шанс начать создание высокотехнологичной транзитно-транспортной системы и использование того минимума возможностей, которые не утрачены окончательно.

Специфика российско-китайского и центрально-азиатского «сопряжения» (дуй цзе) содержит ясные экономико-географические контуры и, помимо прочего, достаточно подробные указания на задачи отдельных регионов Китая в реализации проекта. Например, провинциям верхнего и среднего течения Янцзы рекомендуется сотрудничать с их партнерами в Поволжье. В целом же внутренние районы страны ориентируются на сотрудничество с центральной, южной и западной частями Азии, роль «окна и авангарда» на западном сухопутном направлении («поясе») отводится Синьцзян-Уйгурскому автономному району.

Если структурировать основные маршруты ЭШП, можно выделить, как минимум, 6 «коридоров»: 1) упоминаемый выше высокоскорост-

ной железнодорожный коридор «Пекин — Москва»; 2) связка «Китай — Монголия — Россия»; 3) «Китай — Центральная Азия — Западная Азия»; 4) «Китай — Индокитайский полуостров»; 5) «Китай — Пакистан»; 6) «Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма».

Хотя, среди российских и китайских ученых существуют и иные маршрутные «расклады» [7], в целом логистика и общая направленность представленных маршрутов в принципе совпадают. Причем, данная сеть в КНР получила уже некую концептуализацию: «дунвэнь — бэйцян — нанься — сицзинь» (东稳 北强 南下 西进): «стабилизироваться на востоке — укрепляться на севере — спускаться на юге — продвигаться на западе». Пока она (формула) не является официальной доктриной и ее скорее можно интерпретировать как долговременную стратегию транспортного выхода за пределы Поднебесной, активно реализуемую председателем Си Цзиньпином.

Очевидно, что для России актуальной представляется фраза — «укрепляться на севере», что означает, скорее всего, желание Пекина постепенно и надолго создавать в России (на севере) транспортно-логистические центры, инвестировать капиталы в инфраструктурные проекты, что отвечает и российским интересам [5, с. 58–59].

С разворотом России на Восток [8] и отчасти на Север (возрождение Северного морского пути можно представить и как часть «Пояса и Пути») ситуация также несколько улучшилась: растет число сфер, в которых сотрудничество двух наших стран выглядит современным, технологически насыщенным и соответствующим лучшим мировым стандартам. Теоретически существует возможность организации в центральной Евразии (Алтай, Западная Сибирь, северный Казахстан) «азиатской житницы» — как компонента «пояса» и элемента коллективной продовольственной безопасности.

Очевидно, что китайских ресурсов явно недостаточно, чтобы полностью нейтрализовать потенциальные вызовы и угрозы международного терроризма, особенно с учетом проникновения боевиков ИГИЛ в Афганистан и потенциальные зоны прохождения Пути.

Долгосрочность действующих и осуществление перспективных проектов Пояса и Пути находится в прямой зависимости от обеспечения их безопасности. Каким образом Китай гарантирует безопасность своих проектов? Причем, если сами риски китайская экспертиза оценивает вполне адекватно, то способы управления

ими пока видятся в полуфантастическом ключе. Выглядит это примерно так: поскольку концепция Шелкового пути основана на равноправии, уважении интересов и стремлении к всеобщему выигрышу и отвергает мышление холодной войны, это, мол, неизбежно приведет автоматически к возникновению новых правил и стандартов. А механизм конфронтации и конкуренции сменится механизмом долгосрочного сотрудничества, считают китайские аналитики. Конечно, такой упрощенный взгляд очень далек от действительности.

Транспортное поле России, Китая и региона ЦА в 2016 г. будет, скорее всего, развиваться более интенсивно в связи с наличием мощного китайского финансово-политического ресурса (открытие Азиатского Банка Инфраструктурных Инвестиций и др.). Мегапроект «Один Пояс — Один Путь», так или иначе, будет стимулировать развитие транспортного трека по всем азимутам и направлениям, включая, прежде всего евразийское. Хотя и здесь возможны технологические и маршрутные «нестыковки» — от ширины планируемой китайской колеи, до географических направлений, большинство которых пойдут, либо полностью минуя Россию, либо проходя лишь половину ее территории (модернизация ж/д «Москва — Пекин» через Казахстан).

В данном случае, речь, конечно, не может идти об объявлении со стороны Москвы какой-либо «транспортной войны» Пекину или попыток создать некую свою альтернативу «Русского Шелкового Пути». Это невозможно ни по политическим, ни по финансово-техническим причинам. Китай представил соседним государствам, включая Россию, достаточно большой набор (от 6 до 8) транспортных «коридоров», из которых практически каждый может выбрать себе достаточно выгодный и приемлемый вариант [5, с. 63–64].

Россия в данном случае не является исключением. Наоборот, необходимо использовать возможность адаптации и применения к российским условиям и сложному рельефу китайских технологий строительства высокоскоростных железных дорог. Причем транспортное измерение может стать центральным в практической реализации стратегии сопряжения региона Центральной Азии, РФ и КНР, связав новыми дорогами, словно кровеносными сосудами, пока мало-подвижные «тела» ЕАЭС, ШОС и ЭПШП [5, с. 62].

Вывод очевиден — надо выживать, терпеть, бороться, искать свою выгоду, делать ставку на

российские внутренние силы и ресурсы, но и не пренебрегать китайскими или другими азиатскими технологиями. Нет плохих или хороших стран. Есть сильные или слабые государства. Как и нет плохих или хороших народов, а есть трудолюбивые, стойкие или ленивые, высокомерные и избалованные нации и народы, — кто высокими технологиями, а кто дорогой нефтью.

Особенности межрегионального сотрудничества

Долгие годы приграничное и межрегиональное сотрудничество восточных регионов России с КНР оставалось малоэффективным, рассматривалось федеральным центром как исключительно локальное и вспомогательное направление, сводившееся в 1990-е гг. в основном к стихийной «челночной» торговле. Китайский и другие восточноазиатские инвестиционные и технологические ресурсы не воспринимались в Москве как фактор модернизации и развития субъектов Сибири и Дальнего Востока.

Одной из попыток вывести межрегиональное российско-китайское сотрудничество на новый более высокий уровень, используя сложившиеся институциональные механизмы, была подписанная на высшем уровне «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009–2018)».

Стороны в первые годы уделяли определенное внимание реализации Программы, но затем (по ряду объективных внешних экономических и международно-политических причин) произошло «охлаждение», о чем свидетельствуют данные, опубликованные в 2015 г. В списке ключевых российских проектов на 2016 г. оставалось 40 инвестиционных проектов, из них на стадии реализации находилось 19.

Наибольшее количество проектов с участием китайского капитала осуществлялось в 2016 г. в Забайкальском крае (4), ЕАО (3) и Магаданской области (2). Китайские инвесторы предпочитали вкладывать средства в добычу и переработку природных ресурсов на территории РФ. В частности, из 11 проектов, реализуемых с участием китайского капитала, 9 относилось к добывающей отрасли: 4 — добыча и первичная переработка цветных и драгоценных металлов, 4 — лесопромышленный комплекс, 1 — первичная переработка и транспортировка нефти [9, с. 222].

«Программа 2009–2018» оказалась, к сожалению, малоэффективной. Однако она отразила

«узкие места» двустороннего межрегионального сотрудничества. В мае 2015 г. в Москве на встрече глав государств стороны договорились создать «Совет сотрудничества между регионами Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России».

В течение 2015–2016 гг. был подписан еще ряд документов о формировании Российско-китайского фонда агропромышленного развития и акционерное соглашение по этому фонду и др. [9, с. 224–225].

В апреле 2016 г. в рамках созданного Совета было подписано «Рамочное соглашение о финансовом сотрудничестве в области развития Сибири и Дальнего Востока». В документе были обозначены сферы кооперации: строительство инфраструктуры, добыча полезных ископаемых, генерация электроэнергии, строительство промышленных парков, развитие лесо-, агро- и рыбо-промышленных комплексов и др.⁵

Если в целом взглянуть на картину межрегионального сотрудничества (не только приграничного, но всех территорий) на сегодняшний день, она носит двойственный характер.

С одной стороны, в институциональном и административном плане достигнуты определенные положительные результаты. Между регионами двух стран сложилось 241 партнерская пара. В том числе 97 — на уровне субъектов РФ, 144 — на уровне муниципальных органов. 51 субъект РФ связан с регионами КНР соглашениями о сотрудничестве, у 91 муниципалитета имеются партнеры в Китае.

С китайской стороны партнерами российских регионов выступают 4 автономных района (из 5), 18 провинций (из 22), 43 города центрального подчинения (из 4). Партнерами российских муниципалитетов — 97 городов, районов и уездов КНР.

Если с китайской стороны брать наиболее значимые субъекты приграничного расположения, то по итогам 2015 г. это — провинции Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин и Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ), на которые пришлось 50 % двустороннего товарооборота наших стран [9, с. 246].

С другой стороны, реализация подписанных документов находится в неудовлетворительном состоянии. Так, у 27 партнерских пар связи фактически утрачены, у многих контакты носят эпизодический характер. Ключевыми двигателями проектов остаются институциональные механизмы (рабочие группы, межправкомиссии и т. д.), а

не коммерческая взаимовыгодная мотивация. Если же коммерческий интерес выступает на первое место, он зачастую носит больше характер китайских выгод. Наблюдается хронический дефицит (и в России, и в Китае) специалистов высокого уровня по двусторонним отношениям. Это касается не только кадрового состава администраций регионов, но и коммерческих организаций.

Слабое знание законодательства страны-партнера приводит к тому, что многие инвесторы отказываются заниматься проектом уже на начальной стадии переговоров. Для российских инвесторов регистрация и развитие собственной компании в КНР является очень затратным делом, как в плане финансов, так и времени. Для китайских инвесторов, которые хотят зарегистрировать компанию в России, весьма сложно трудоустроиться в свою собственную компанию, так как существуют лимиты по квотам на иностранную рабочую силу.

Очевидно, что для облегчения сложившейся противоречивой картины стороны могли бы реализовать ряд практических мер и предложений.

Во-первых, целесообразно в ряде вузов РФ (как в центральных, так и расположенных в приграничных с КНР регионах) создать центры повышения квалификации российских специалистов, занимающихся вопросами российско-китайского сотрудничества⁶. Целесообразно создание также профильного консалтинг центра для консультирования российских региональных правительств и коммерческих компаний.

Во-вторых, правительствам двух стран оказывать содействие в создании региональных инвестиционных компаний на основе существующих пар «партнеров — регионов» (241 партнерская пара)⁷.

В-третьих, сформировать (на федеральном уровне) в форме законодательных инициатив

⁶ В практическом плане перспективна инициатива руководства Байкальского государственного университета, открывшего 1 ноября 2016 года при поддержке администрации Забайкальского края и лично губернатора края Н. Н. Ждановой «Центр научных исследований российско-китайских отношений» (ЦНИ РКО). При активном участии Института Дальнего Востока РАН Центр может стать реальной площадкой для подготовки и повышения квалификации российских и китайских кадров — специалистов в области двусторонних российско-китайских отношений.

⁷ Успешный опыт подобного сотрудничества демонстрирует проект «Волга — Янцзы», начинавшийся с межрегиональной кооперации на основе побратимских связей субъектов рек Волга и Янцзы. В настоящее время — это один из наиболее успешных межрегиональных проектов российско-китайского сотрудничества.

⁵ URL: <http://tass.ru/ekonomika/3195136>

упрощенную процедуру трудоустройства некоторых категорий иностранных инвесторов, желающих осуществлять прямые инвестиции на территории РФ.

Забайкальский край. «Черная дыра» или территория прорывных технологий?

Особенностью приграничного российско-китайского сотрудничества было и остается на сегодняшний день выделение субъектов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов в качестве основных и системообразующих в этих отношениях. Очевидно, что в основе таких приоритетов имеется объективная мотивация и аргументы, приводимые экспертами и политиками федерального и регионального уровня (доставка углеводородов, наличие Территорий Опережающего Развития — ТОР и др.).

На наш взгляд, недооцененным Москвой, с точки зрения перспектив внутреннего социально-экономического развития и использования внешнего (китайского) ресурса, остается Забайкальский край. При этом, если субъекты СФО и ДВФО имеют институциональные ресурсы, утвержденные федеральным Центром и традиционно используют эффект российско-китайских приграничных связей для своего развития, то Забайкалье практически лишено этих возможностей.

Вместе с тем, Забайкальский край, так же как и упомянутые субъекты российского Дальнего Востока, имеет те же географические возможности и преимущества развития приграничной торговли с Китаем. Восточный участок российско-китайской границы берет здесь свое начало и тянется на 1 000 км, соседствуя с *Автономным Районом Внутренней Монголии и провинцией Хэйлунцзян*.

Хорошо известно, что еще в советский период, когда советско-китайские отношения переживали, мягко говоря, не самые лучшие времена, данная территория была полностью милитаризована и рассматривалась как закрытая. Несколько лет две страны смотрели друг на друга в орудийные, танковые и ракетные прицелы. В период нормализации отношений, тем не менее, традиция негласного принижения Забайкалья в общем списке полностью открытых российских приграничных с КНР регионов для расширения торгово-экономических связей негласно сохранялась. Вольно это происходит или невольно, сейчас трудно сказать. Возможно, работали стереотипы «закрытости», хотя по некогда сверхсекретным военным объектам

в забайкальской степи уже давно гулял ветер. Однако «кусочек» границы протяженностью в одну тысячу км (длина границы края с АРВМ и Хэйлунцзянской провинцией) каким-то образом, постоянно «выпадал» из общих стратегических документов приграничного взаимодействия. Да и в целом Забайкальский край вольно или невольно оставался на неполном / недостаточном финансировании федерального центра. Естественно, что традиционные проблемы края (демографические, социальные, экономические и пр.) продолжали обостряться.

Что касается приграничного сотрудничества края с КНР, то оно развивалось в основном локально и в небольших объемах (если брать 2000-е гг.). В настоящее время местное правительство совместно с губернатором пытается вырваться из этого «замкнутого круга». Сформирован серьезный и перспективный план создания новых погранпереходов, строительства отдельных веток железных дорог с проработанной логистикой и просчитанным финансовым результатом, планируется привлечение китайских инвесторов в различные секторы народного хозяйства края.

Очевидно, что край может дать ощутимые результаты и соответственно получить от Поднебесной на взаимовыгодных условиях определенные возможности и ресурсы для дальнейшего социально-экономического развития. Не случайно в официальных китайских документах, посвященных созданию «Экономического пояса Шелкового пути» в разделе под названием «Прорубить окно на северном направлении», говорится о необходимости углубления связей АРВМ и Хэйлунцзяна с Забайкальем, создании пограничных переходов, совместной разработки минеральных ресурсов и создании промышленных зон.

На наш взгляд, Забайкальский край нуждается в повышенном внимании и поддержке российского федерального центра, заинтересованных министерств и ведомств. Пока он еще не раскрытая кладовая минеральных богатств, потенциальная площадка для строительства и создания крупных инновационных центров для разработки и внедрения новых технологий. Отдельные эксперты даже говорят о возможности строительства крупного авиационно-космического комплекса в крае [10].

Думается, что это не фантастика, а вполне реальные, хотя и достаточно амбициозные планы, которые сегодня в нашей стране чрезвычайно востребованы и необходимы. Великая держава должна и может создать на Востоке страны

космодром «Восточный» и необходимые стране другие передовые промышленные объекты.

Российский опыт международного сотрудничества имеет прецеденты подписания соглашений отдельных субъектов РФ с тем или иным государством. Так, в 1993 г. между Республикой Бурятия и Монголией было заключено подобное («диагональное») соглашение и ряд других. Возможно, что для создания четкой правовой базы и мотивации использования китайского фактора в социально-экономическом развитии края необходимо специальное соглашение о торговых-экономических отношениях между Забайкальским краем и КНР, либо более «локальные» версии — «Забайкальский край — провинция Хэйлунцзян».

Заключение. Итоговый «срез» модели Россия — Китай 2016–2017 гг.

Суммируя глобальные, региональные и двусторонние аспекты российско-китайских отношений 2016 — начала 2017 гг., можно констатировать:

— стороны вплотную подошли к той черте, которая отделяет партнёрство от военно-политического союзничества. В нынешних условиях ни Москва, ни Пекин не хотят её переступить и не планируют создание двустороннего военного союза. В рамках существующего партнёрства многие атрибуты союзнических отношений неформально присутствуют и успешно развиваются — регулярные военные (сухопутные и морские) учения в двустороннем и коллективном (ШОС) форматах, совещания министров обороны и так далее. Базовым документом российско-китайского партнёрства, как известно, остается двусторонний Договор 2001 г., который содержит ст. 9 о режимах консультаций в случае угроз для одной из сторон со стороны третьей / третьих держав.

— представленный «срез» российско-китайской модели 2016–2017 гг. отражает влияние крупных международных, региональных и дву-

сторонних событий на динамику и характер российско-китайского партнерства. Это, прежде всего, развернутая Западом (США, ЕС) известная конфронтация с Россией, победа в США в президентской гонке Д. Трампа, заявлявшего в предвыборных дебатах о проблемах, которые он создаст Пекину, и о желании нормализовать отношения с Москвой. Совершенно очевидно, что российское руководство (в случае реального обострения экономических отношений США и КНР) не должно играть на возможном обострении, сохраняя ценности российско-китайского стратегического партнерства. Важным элементом модели является начало *процесса сопряжения* между Россией (ЕАЭС) и китайским проектом Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП).

— российско-китайское партнерство, кроме очевидных возможностей (политических, экономических, энергетических), имеет и ряд вызовов / рисков, особенно для РФ. Худший сценарий для Москвы, — превращение партнерства в неравноправный (асимметричный) экономический тандем. Снижение товарооборота в 2015–2016 гг. до 62,3 млрд долл., однако, не явилось кризисным показателем отношений. Исходя из общего контента 2016 — начала 2017 гг. системной зависимости, угрожающей российским национальным интересам, нет, хотя отдельные элементы китайского давления (по ряду экономических/энергетических, банковско-инвестиционных вопросов), к сожалению, имели место. При этом давление Запада на Россию и экономические санкции объективно усиливает стратегическое партнерство двух стран.

— в оценках итогов мониторинга 2016 — начала 2017 гг. — а) ключевых позитивных (взаимовыгодных) и б) конфликтных / негативных тенденций в российско-китайских отношениях первый ряд доминирует над вторым, что дает основания утверждать о сохранении перспектив взаимовыгодного характера партнерства на ближайшую и среднесрочную перспективы.

Список использованной литературы

1. Лузянин С. Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» / С. Г. Лузянин. — М. : Восток — Запад : АСТ, 2007. — 448 с.
2. Бергер Я. М. Научно-технологическая составляющая совокупной мощи Китая / Я. М. Бергер // Проблемы Дальнего Востока. — 2016. — № 6. — С. 4–23.
3. Лузянин С. Г. Особенности правового регулирования борьбы с преступностью в Китае / С. Г. Лузянин, П. Б. Трошинский, Я. А. Суходолов // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10, № 4. — С. 812–824.

4. Фэн Шаолэй. Внешняя стратегия Китая и сотрудничество в Северо-Восточной Азии / Фэн Шаолэй // Dialogue on Future Cooperation for Co-Prosperity in Northeast Asia. — KIEP Jeju International Conference. — 2016. — № 4. — PP. 45–51.
5. Лузянин С. Г. Россия — Китай — Центральная Азия: транспортные и энергетические интересы / С. Г. Лузянин, Н. К. Семенова // Обозреватель. — 2016. — № 2. — С. 56–57.
6. Сазонов С. Л. Россия — Китай: сотрудничество в области транспорта / С. Л. Сазонов. — М. : ИДВ. Кругъ, 2012. — 332 с.
7. Лузянин С. Г. Экономический пояс Шелкового пути: модель 2015 года / С. Г. Лузянин, С. Л. Сазонов // Обозреватель. — 2015. — № 5. — С. 40–43.
8. К Великому океану-4: Поворот на Восток. Предварительные итоги и новые задачи : междунар. дискус. клуб / под ред. Т. В. Бордачева, С. А. Караганова. — М. : Валдай, 2016. — С. 3–35.
9. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2014–2015 / гл. ред. С. Г. Лузянин. — М. : Форум, 2016.
10. Суходолов А. П. Чита всматривается в космос [Электронный ресурс] / А. П. Суходолов // Российская газета. — 2016. — июль. — Режим доступа: <https://rg.ru/2016/11/07/zabajkale-mozhet-stat-novym-centrom-aerokosmicheskoy-promyshlennosti-rf.html>

References

1. Luzyanin S. G. *Vostochnaya politika Vladimira Putina. Vozvrashcheniye Rossii na «Bolshoy Vostok»* [Vladimir Putin's Eastern policy. Return of Russia to the «Greater East»]. Moscow, Vostok-Zapad, AST Publ., 2007. 448 p.
2. Berger Ya. M. Scientific and technological component of the total power of China. *Problemy Dalnego Vostoka = Problems of the Far East*, 2016, no. 6, pp. 4–23. (In Russian).
3. Luzyanin S. G., Troshchinskiy P. B., Sukhodolov Ya. A. Features of the legal regulation of the fight against crime in China. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2016, vol. 10, no 4, pp. 812–824. (In Russian).
4. Fen Shaoley. *Vneshnyaya strategiya Kitaya i sotrudnichestvo v Severo-Vostochnoy Azii* [China's external strategy and cooperation in North-East Asia]. Dialogue on Future Cooperation for Co-Prosperity in Northeast Asia. KIEP Jeju International Conference, 2016, no. 4, pp. 45–51.
5. Luzyanin S. G. Russia — China — Central Asia: transport and energy interests. *Obozrevatel = Observer*, 2016, no. 2, pp. 56–57. (In Russian).
6. Sazonov S. L. *Rossiya — Kitay: sotrudnichestvo v oblasti transporta* [Russia — China: cooperation in the field of transport]. Moscow, IDV. Krug Publ., 2012, 332 p.
7. Luzyanin S. G. The Silk Road Economic Belt: the model of 2015 year. *Obozrevatel = Observer*, 2015, no. 5, pp. 40–43. (In Russian).
8. *K Velikomuyu okeanu-4: Povорот na Vostok. Predvaritelnyye itogi i novyye zadachi : mezhdunar. diskus. klub* [To the great ocean-4: Turn to the East. Preliminary results and new tasks: International discussion club]. In T. V. Bordacheva, S. A. Karaganova (eds.). Moscow, Valday Publ., 2016, pp. 3–35.
9. *Kitayskaya Narodnaya Respublika: politika. Ekonomika. Kultura. 2014–2015* [People's Republic of China: politics, economy, culture. 2014–2015]. S. G. Luzyanin ed. Moscow, Forum Publ., 2016.
10. Sukhodolov A. P. *Chita vsmatrivayetsya v kosmos* [Chita looks into space]. Available at: <https://rg.ru/2016/11/07/zabajkale-mozhet-stat-novym-centrom-aerokosmicheskoy-promyshlennosti-rf.html>.

Информация об авторе

Лузянин Сергей Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор, ди-ректор Института Дальнего Востока РАН (ИДВ РАН), профессор МГИМО МИД РФ, e-mail: luzyanin.sergey@mail.ru

有关作者的信息

Luzyanin S. G. — 历史学博士，教授。俄罗斯科学院远东研究所所长；莫斯科国立国际关系学院大学的教授。莫斯科市，俄罗斯；电子信箱: luzyanin.sergey@mail.ru

Author

Sergey G. Luzyanin — Doctor of History, Professor; Director of the Institute for Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; Professor of the Moscow State Institute of Interna-

tional Relations of Foreign Affairs of the Russian Federation; Moscow, the Russian Federation;
e-mail: luzyanin.sergey@mail.ru

Для цитирования

Лузянин С. Г. Россия — Китай: модель 2016–2017 гг. Глобальные, региональные и приграничные измерения / С. Г. Лузянин // Российско-китайские исследования. — 2017. — Т. 1, № 1. — С. 22–33.

For citation

Luzyanin S. G. Russia — China: Model of 2016–2017. Global, Regional and Cross-Border Measurements. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 22–33. (In Russian).